

КОЛОНИЗАЦИЯ РУССКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ В 1909-1911 гг.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Гранта Президента РФ для молодых кандидатов наук МК-630.2017.6 "Совет министров, Дума и политика в отношении окраин Российской империи в 1906-1917 гг.", руководитель Д.Г. Янченко.

COLONIZATION OF THE RUSSIAN FAR EAST IN THE GOVERNMENT POLICY IN 1909-1911

*D. Yanchenko
G. Slobodzyan*

Annotation

The article analyzes the documents of a special government body – the Committee for the Settlement of the Far East. In 1909–1911 it worked under the chairmanship of P.A. Stolypin. The decisions of this Committee became a guide to actions for the Amur expedition under the head of N.L. Gondatti and direct indication for the local administration in the implementation of resettlement policies in the region, economic development of the Far East. Particular attention is paid to the analytical materials on the Russian colonization of the region, collected by the Main Directorate for Land Management and Agriculture under the leadership of A.V. Krivoshein.

Keywords: The Committee on the Settlement of the Far East, P.A. Stolypin, A.V. Krivoshein, General Directorate of Land Management and Agriculture, Far East, Amur region, resettlement, colonization, Amur Expedition.

*Янченко Денис Геннадьевич
К.и.н., доцент, Санкт-Петербургский
государственный университет
Слободзян Григорий Михайлович
Санкт-Петербургский
государственный университет*

Аннотация

В статье проанализированы документы особого правительственного органа – Комитета по заселению Дальнего Востока. В 1909–1911 гг. он работал под председательством П.А. Столыпина. Решения этого Комитета стали руководством к действиям для Амурской экспедиции Н.Л. Гондатти и непосредственным указанием для местной администрации при осуществлении переселенческой политики в регионе, хозяйственном освоении Дальнего Востока. Особое внимание в статье уделено рассмотрению аналитических материалов о русской колонизации края, собранных Главным управлением землеустройства и земледелия под руководством А.В. Кривошеина.

Ключевые слова:

Комитет по заселению Дальнего Востока, П.А. Столыпин, А.В. Кривошеин, Главное управление землеустройства и земледелия, Дальний Восток, Приамурье, переселение, колонизация, Амурская экспедиция.

Огромный потенциал неосвоенных территорий важен для внешнего и внутреннего благополучия современной России. В наши дни проводится государственная политика, направленная на развитие региона, примером может служить создание отдельного Министерства РФ по развитию Дальнего Востока в 2012 г. со штаб-квартирой в Хабаровске, и так называемый "закон о дальневосточном гектаре" [48]. В начале XX в. правительство также уделяло особое внимание хозяйственной политике на Дальнем Востоке. Слабо защищенный регион попадал в сферу интересов соседних с Россией стран. Вопрос укрепления и обороны важной в стратегическом плане русской окраины актуализировался. Успех колонизации Дальнего Востока напрямую зависел от развития инфраструктуры, надежного закрепления населения. Еще до Русско-японской войны местные власти настаивали на скорейшем заселении края русскими людьми, заявляя, что это "теперь едва ли не самый важный вопрос не только в сфере ... интересов русского дела на Дальнем Востоке". Чиновники региона утвержда-

ли: "здесь есть все, что нужно для его дальнейшего развития, кроме населения" [38, с. 318].

Дореволюционными исследователями края были как путешественники и ученые: Г.Т. Муоров [25], А.А. Кауфман [13], В.К. Арсеньев [2], так и государственные деятели: Г.Е. Грум-Гржимайло [8], П.Ф. Унтербергер [45], [46]. Проблемы заселения и колонизации, сельского хозяйства, торговли и промышленности, анализ основных возможностей дальнейшего использования природных богатств – считались основными исследовательскими задачами. Экономическое развитие южной части Дальнего Востока, как до Русско-японской войны, так и в изучаемый период рассматривалось в работах А.В. Даттана [9], А.Н. Митинского [23], [24]. "Колонизация Приамурья – есть тот краеугольный камень, от которого должны идти все мероприятия по развитию края и использованию его природных богатств и с которым тесно связано спокойное обладание обширной окраиной", – писал в ноябре 1909 г. на имя А.В. Кривошеина член совета Главного

управления землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ) В.П. Михайлов [35, л. 1].

В Российской империи территории за Уралом традиционны имели свою административную стратегию, которая во многом определялась местными условиями. "В 1892 г. в связи с кодификацией "Общего Учреждения Губернского" было оговорено, что управление Сибирью (и Дальним Востоком – авт.) должно осуществляться по особому учреждению" [12, с. 198]. В частности, в "Учреждении Сибирском" по Своду законов издания 1892 г. было закреплено существование двух генерал-губернаторств: Иркутского, включавшего Иркутскую и Енисейскую губернии, и Якутскую область, и Приамурского генерал-губернаторства состоявшего из Забайкальской, Приморской и Амурской областей, а также о. Сахалин. В 1909 г. из Приморской была выделена отдельная Камчатская область. По мнению А.В. Ремнева: "Повышенный интерес к Сибири и Дальнему Востоку на рубеже 19–20 вв. подогревался, прежде всего международными причинами, активностью внешней политики России на восточных и южных рубежах, усложнением экономических связей различных регионов страны" [38, с. 318]. Огромный потенциал региона в начале XX в. не ставился под сомнение: "Почва, климат и другие природные условия на Дальнем Востоке таковы, что край этот может сделаться одной из богатейших земледельческих колоний в мире. Но прежде чем будет открыт доступ к пользованию природными богатствами, потребуются чрезвычайные материальные жертвы со стороны государства" [35, л. 364]. Накануне Русско-японской войны многие бюрократы, знакомые с положением дел на окраинах, заявляли о важности перспективного планирования для колонизации Дальнего Востока. Например, военный министр А.Н. Куропаткин в 1900 г. писал: "необходимо помнить, что в 2000 году население России достигнет почти 400 миллионов. Надо уже теперь начать готовить свободные земли в Сибири, по крайней мере, для четвертой части этой цифры" [38, с. 320]. Экстенсивный характер крестьянского землевладения побуждал власть к расширению земельной площади, пригодной для ведения хозяйства.

Поражение в Русско-японской войне, утрата южной части Сахалина, потеря арендных прав на Ляодунский полуостров и Южно-Маньчжурскую железную дорогу, засылка на Дальнем Востоке китайских, японских и корейских рабочих, промышленников и рыболовов – это, и ряд других причин, заставили российские власти в 1906–1911 гг. пересмотреть окраинную политику. Укрепление восточных границ империи стало важной правительственной задачей. Деятельность особого межведомственного органа, созданного для разработки и решения миграционных и хозяйственных проблем края – Комитета по заселению Дальнего Востока (1909–1915 гг.) нуждается в аналитической оценке. При подготовке данной статьи использовались материалы Российского государ-

ственного исторического архива (РГИА). Изучены дела фонда 394, в частности: отчеты и письма иркутского, якутского и камчатского губернаторов на имя П.А. Столыпина, протоколы заседаний и журналы Комитета по заселению Дальнего Востока (КЗДВ), справки Переселенческого управления и отчеты ГУЗиЗ. Эти документы позволяют разносторонне охарактеризовать правительственную политику при П.А. Столыпине в отношении дальневосточной окраины.

В 1910 г., якутский губернатор И.И. Крафт писал П.А. Столыпину: "(Дальний восток и Сибирь – авт.) служат предметом особого внимания со стороны наших соседей – японцев и американцев – проявляющих большую энергию в смысле распространения своего пока экономического влияния на малонаселенные и беззащитные наши окраины. Предприимчивых иностранцев соблазняют огромные естественные богатства наших окраин; им, кроме того, нужны рынки для сбыта своих фабрикатов и свободные земли для заселения... Нельзя, мне кажется, упускать из виду, что, при отсутствии у нас сильного военного флота, все указанное побережье, в случае каких-либо осложнений на Дальнем Востоке, окажется совершенно беззащитным" [34, л. 128]. Существовала общая проблема, которая являлась серьезным препятствием для развития практически всех дальневосточных областей: "Отдаленность, точнее недоступность рынков, является главным препятствием для заселения многих мест в Сибири" [35, л. 364]. После издания главного законодательного акта аграрной реформы – указа 9 ноября 1906 г. "О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования" [31, с. 970–974] изменяется характер переселенческой политики, которая теперь развивалась в ключе столыпинских аграрных преобразований.

В бюрократических кругах на заселение Дальнего Востока стали смотреть иначе: "В долине Амура необходимы люди вроде американских фермеров на Дальнем Западе" [35, л. 364]. По-иному трактуются хозяйственные перспективы крестьянина-переселенца: "Введение частной земельной собственности, совершенное уничтожение общины было бы величайшим благом для спящего края, который, несмотря на свой суровый климат и неудачное географическое положение, открывает безграничное поле для приложения труда и капитала" [35, л. 367]. Согласно справке о положении переселенческого дела на Дальнем Востоке за 1906–1909 гг., составленной Переселенческим управлением (до 1 мая 1905 г. на правах департамента в составе МВД, затем передано учрежденному ГУЗиЗ [22, с. 582]) существенно увеличивались размеры дорожного строительства, менялась инфраструктура края. В общей сложности с 1906 по 1909 гг. было построено: в Приморской, Амурской и Забайкальской области 2656 верст новых дорог (2833,42 км.

– авт.). Согласно отчетам, на постройку новых дорог было израсходовано 1747306 руб. 80 коп. [34, л. 53]. Проводились гидротехнические работы, заключавшиеся частью в постройке колодцев для нужд первых переселенческих участков, частью в производстве осушительных работ для улучшения усадебных площадей и для приведения в "культуроспособный вид" заболоченных пространств. В общей сложности на ведение переселенческого дела в трех областях Дальнего Востока за четыре года было израсходовано 12691112 руб. [34, л. 53].

По данным Объяснительной записки к проектам "Учреждения Министерства земледелия" и "Положения о местных его установлениях", представленным в Государственную думу в 1910 г.: "Опыт последних двух лет (1907 и 1908), когда переселение развилось у нас до небывалых ещё размеров, показал, что Переселенческое управление, при самой напряженной деятельности и при затрате значительных средств (11000000 руб.), было в состоянии заготовить в 1908 году немного более 350 душевых долей общей площадью в 6000000 дес. (6 млн. 555 тыс. га – авт.). И водворить 664777 душ обоего пола переселенцев. В прежние же годы площадь заготовок и количество переселенцев было значительно меньше. Если бы в будущем число ежегодно водворяемых переселенцев удалось довести даже до 1000000 душ обоего пола, то и тогда применение для своего труда в области сельского хозяйства нашло бы не более половины ежегодного естественного прироста населения, а следовательно, наличный избыток рабочих сил не только по-прежнему оставался бы неиспользованным, но даже увеличился бы за счет второй половины прироста" [22, с. 587].

Наблюдаемый в эти годы рост внутренней миграции заметно отразился на заселении дальневосточных областей империи. Для сравнения, в 1894–1903 гг. в Приамурский край переселялось в среднем по 7600 человек в год. В 1906 г. число переселенцев, прибывших на Дальний Восток, достигло почти 11 тыс. человек; в 1907 г. эта цифра возрастает до небывалых ранее размеров – 81 тыс. Затем, опустившись в 1908 г. до 30 тыс. человек, поднимается снова в 1909 г., когда по сведениям заведующих переселенческим делом, число переселенцев, переехавших за Байкал, достигло 40 тыс. человек. Таким образом, за четыре года, прошедших со времени окончания Русско-японской войны, на Дальний Восток направилось свыше 160 тыс. мигрантов. В советское время научное изучение этой тематики характерно для 1980-х годов. Публикуются работы, посвященные различным аспектам демографических процессов на Дальнем Востоке императорской России. В статье С.В. Пяткова рассматриваются бытовые вопросы переселенческой жизни в контексте крестьянской общины [33]. Сохраняют актуальность коллективный труд А.И. Алексеева и Б.Н. Морозова [1], и работа Л.Л. Рыбаковского [39].

Резкое падение числа переселенцев в 1908–1909 гг., по сравнению с цифрой 1907 г., объясняется тем, что в 1907 г. ГУЗиЗ разрешалось переселение семей на Дальний Восток без предварительного зачисления земельных душевых долей через ходяков. После этого "льготный порядок переселения не допускался, ибо ведомство опасалось чрезмерного наплыва в край переселенцев при имевшемся там сравнительно ограниченном запасе непосредственно пригодных для заселения свободных участков" [34, л. 52]. По сведениям переселенческого управления, желающих могло быть больше количества размежеванных участков. Всего, со времени учреждения в крае межевых партий (в Приамурье с 1888 г. межеванием занималось Строительное отделение в Управлении генерал-губернатора [3]) до 1909 г., было образовано 195294 переселенческих участка из расчета один участок на душу мужского пола [34, л. 53]. Обратное переселение с 1906 по 1909 гг. составило 14744 человека, то есть менее 10%. По предварительным расчетам Переселенческого управления, "в 1910 г. численность водворения на Дальнем Востоке окажется, по всей вероятности, значительно больше, нежели в оба предшествующих года" [34, л. 52].

В ходе столыпинских преобразований возникла необходимость объединить усилия различных ведомств в деле хозяйственного освоения дальневосточных окраин империи. Правительство планомерно анализирует и обобщает документы по этому вопросу [37]. В 1907 г. с началом строительства Амурской железной дороги Переселенческое управление ГУЗиЗ сосредотачивает свое внимание на регионе. Ведомство анализирует данные о колониационном потенциале территорий, прилегающих к будущей железнодорожной линии. В 1908 г. в Хабаровске заведующий Приморским переселенческим районом С.П. Шликевич объединил в своих руках управление крестьянской колонизацией на Дальнем Востоке. Самой серьезной проблемой в его работе становится извечная беда имперской бюрократии – отсутствие согласованности с правительством, с другими ведомствами. Министр финансов В.Н. Коковцов в письме к председателю Совета министров П.А. Столыпину 21 июня 1908 г. писал: "в настоящее время в наших владениях на Дальнем Востоке нет специального органа, на который можно было бы возложить наблюдение за реализацией комплексной программы, направленной на оживление края" [38, с. 475].

МВД предлагало свой проект организации особой экспедиции по изучению и благоустройству прилегающих к будущей Амурской железной дороге местностей. Руководство экспедицией должно было остаться за МВД при содействии уполномоченных от Министерства финансов, Министерства путей сообщения (МПС), Государственного контроля и ГУЗиЗ. По итогам деятельности экспедиции должны были отправляться ежемесячные отчеты предсе-

дателю Совета министров, а также в заинтересованные министерства и приамурскому генерал-губернатору. По плану на экспедицию возлагались обширные задачи: "1. Изучение местности, прилегающей к железнодорожной линии. 2. Устройство подъездных путей. 3. Организация почтового и телеграфного сообщений. 4. Выбор места для будущих поселений и городов вдоль строящейся дороги. 5. Организация на начальном этапе управления этими поселениями и городами. 6. Продажа и отвод приусадебных участков. 7. Выдача ссуд переселенцам" [38, с. 477].

Главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин, однако, выступил за предоставление ведущей роли в осваиваемом крае своему ведомству. Дело колонизации Дальнего Востока "есть одно из важнейших при современных политических условиях, и требует планомерного объединения всех прилагаемых к достижению сей цели государственных сил как там – на месте, так и здесь – в центре" [38, с. 477–478]. А.В. Кривошеин указал на ограниченность возможностей и полномочий экспедиции. Необходима "другая организация, которой во главе с особым уполномоченным будут подчинены все местные переселенческие учреждения, и которая не только будет вестись земледельческой колонизацией, но и осуществлять управление государственными имуществами, заботиться об эксплуатации естественных богатств края" [38, с. 477–478]. Проект МВД, якобы, не соответствовал необходимым требованиям. Степень доверия между Кривошеиным и Столыпиным была высока, и межведомственных трений не возникло. Как писал К.А. Кривошеин о своем отце, после назначения в 1908 г. на должность главноуправляющего: "он увлекся работой, смог показать всю меру своих способностей и со свойственной энергией стал преодолевать стоявшие на его пути препятствия, благодаря исключительно удачному подбору сотрудников и неизменной поддержке Столыпина и, нужно признать императора Николая II" [52, 1, 13].

В условиях Третьеиюньской монархии выработка единой политики правительства была важной не только для будущего имперской окраины, но и для демонстрации консолидированной позиции министров в Государственной думе. Появление межведомственного управленческого центра позволило найти удачный компромисс. 23 июня 1909 г. вопрос о создании Комитета по заселению Дальнего Востока (КЗДВ) обсуждался в Совете министров. А 27 октября 1909 г. решение о создании Комитета было утверждено Николаем II, в частности "для объединения и общего направления правительственных мер по колонизации Приамурского края" [34, л. 1], хотя сфера деятельности нового органа была в значительно шире. В состав КЗДВ входили председатель – один из членов Совета министров по назначению императора, представители Министерств императорского двора и уделов (МИДв), иностранных дел, военного, морского, МВД, юс-

тиции, финансов, торговли и промышленности, МПС, а также ГУЗиЗ и Государственного контроля, "в необходимых случаях – Синода и Министерства народного просвещения; на правах членов в заседаниях участвовали во время пребывания в Петербурге приамурский и иркутский генерал-губернаторы, военные губернаторы Амурской, Приморской и Забайкальской областей, а также иркутский, якутский и камчатский гражданские губернаторы" [5, с. 203].

Главой Комитета был назначен председатель Совета министров П.А. Столыпин, а его заместителем стал главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин. В состав Комитета вошли представители почти всех министерств. Кроме того, предусматривалось возможность участия в заседаниях приамурского и иркутского генерал-губернаторов. "Единогласные решения Комитета по Заселению Дальнего Востока, не требующие нового закона, напрямую направлялись в ведомства для исполнения, в случае же разногласия – переносились на рассмотрение Совета Министров" [38, с. 479–480]. 11 декабря 1909 г. П.А. Столыпин потребовал от камчатского губернатора статского советника В.В. Перфильева: "озаботиться незамедлительным доставлением в образованную при Комитете по заселению Дальнего Востока Канцелярию, заведованием коей возложено на Управляющего делами Комитета [Г. В. – авт.] Глинку, подробного перечня всех вопросов и дел, которые, в той или иной степени касаясь заселения вверенной Вам области или иных мер укрепления в ней русского дела, поступили на рассмотрение центральных правительственных учреждений и не получили еще окончательного разрешения" [34, л. 1]. Кроме непосредственной задачи Комитета – сбора необходимых сведений по управлению краем, отметим назначение Г.В. Глинки на пост Управляющего делами Комитета. Оно подчеркивало преимущественное значение в деле освоения Дальнего Востока ГУЗиЗ и в данном случае носило компромиссный характер. Г.В. Глинка являлся начальником Переселенческого управления ГУЗиЗ. Таким образом, если освоение Манчжурии оставалось преимущественно прерогативой министра финансов В.Н. Кокорцова [40, с. 207], то русское Приморье становилось "уделом" А.В. Кривошеина. С одной стороны, это несколько ослабляло влияние министра финансов на дальневосточные дела и усиливало позиции П.А. Столыпина в правительстве, но с другой, сам В.Н. Кокорцов был сторонником взвешенной, осторожной политики в регионе и, в целом, до 1911 г. мероприятия КЗДВ поддерживал.

Для первоочередного рассмотрения чиновниками предполагался следующий перечень наиболее важных вопросов:

1. Об увеличении площади колонизационного запаса земель Дальнего Востока и о скорейшем использовании для этой надобности расположенных вблизи ки-

тайской границы земель, временно отведенных бывшим Приамурским генерал-губернатором Духовским (С.М. Духовским – авт.) Амурскому и Уссурийскому войскам, и земельных излишков Забайкальского казачьего войска.

2. О мерах борьбы против наплыва в Приамурье рабочих желтой расы и о привлечении на постройки, производящиеся за счет и распоряжением казны, рабочих из европейской России.

3. Об ускорении постройки Амурской железной дороги.

4. О развитии на Дальнем Востоке дорожного строительства для нужд колонизации и об изыскании для сего средств, сверх отпущенных по переселенческой смете.

5. Об особых мерах поощрения переселения на Дальнем Востоке и льготах лицам, водворяющимся в Приамурском крае.

6. Об организации учрежденной для изучения района Амурской железной дороги экспедиции и о нужных на ее содержание ассигнованиях" [34, л. 2].

Эти предложения были выдвинуты практически сразу после начала деятельности Комитета. П.А. Столыпин, считал, что разработка программы деятельности Комитета "явится результатом последующей работы всех заинтересованных ведомств и учреждений" [34, л. 3]. Сведения о состоянии дел поступали в Совет министров от руководителей профильных ведомств, генерал-губернаторов и иных учреждений (например, Общества Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), Русско-Китайского (с 1910 г. Русско-Азиатского банка) и пр.). П.А. Столыпин особо отмечал важность всеподданнейших отчетов приамурского генерал-губернатора, сведений Министерства иностранных дел (МИД): донесений российских дипломатических и консульских представителей по предметам, касающимся русских интересов на Дальнем Востоке. Как председатель Комитета П.А. Столыпин запросил у ведомств перечень вопросов, которые необходимо было изучить и по которым требовалось принятие срочных решений. Два вопроса были указаны в ответном письме министра финансов В.Н. Коковцова. Первый – "об открытии в районе строящейся Амурской железной дороги казначейств в видах облегчения строительной администрации расчетов по поставкам и подрядам". Второй – "об открытии там же казенных винных лавок в целях борьбы с контрабандным водворением в наши пределы маньчжурского спирта, который находит широкое распространение среди населения Приамурского края" [34, л. 16–17].

Государственный контролер П.А. Харитонов отправил 4 вопроса для обсуждения: 1) об организации "опытных сельскохозяйственных станций и показательных хозяйств в заселяемых районах Дальнего Востока"; 2) об определении местностей "из коих, по преимуществу, должны направиться переселенцы на Дальний Восток, в

целях заселения последнего лицами, наиболее пригодными для оседлости в нем"; 3) выяснение вопроса "какие из земель Кабинета Его Величества в районе Амурской железной дороги могут быть обращены под заселение, и на каких условиях эти земли могут быть предоставлены переселенцам"; 4) "О мерах улучшения водных путей Приамурья в видах организации на них переселенческого движения и сообщения с населенными районами" [34, л. 16–17].

Вопрос, представленный в письме министра путей сообщения С.В. Рухлова, касался "местностей по линии Амурской железной дороги, где могут получить развитие наиболее крупные населенные пункты, чтобы заблаговременно, с надлежащей успешностью и минимальными расходами, произвести работы по составлению дополнительных топографических съемок для разработки общих планов поселков в связи с железнодорожными станциями" [34, л. 16–17]. Министр народного просвещения А.Н. Шварц предлагал обсудить вопросы об открытии "во вновь заселяемых районах сельских училищ и оказании правительством помощи в деле учреждения упомянутых училищ и постройки необходимых для сего зданий" [34, л. 16–17].

В итоге из предложений ведомств была сформирована программа первоочередных задач по колонизации Дальнего Востока, носившая, впрочем, предварительный характер. Очевидно, что планировалось внесение дополнительных вопросов как со стороны ведомств, так и со стороны администрации окраины. Этот документ упоминался А.В. Ремневым, однако комплексный анализ не проводился.

В целом, основные задачи правительства сводились к девяти пунктам:

1. Меры поощрения переселенческого движения на Дальневосточные окраины.

А. Вопрос о свободном хождении или свободном семейном переселении без предварительного хождения.

Б. Особые льготы при передвижении и устройстве на месте (увеличение ссуд, тариф, продовольствие в пути).

В. Особые мероприятия по приему переселенцев (усиление медицинской помощи, приискание заработков, заготовление продовольствия, рабочего скота, расчистка лесных площадей, заготовка останочных барачков на участках).

Г. Издание плаката о дальневосточном заселении, обращение к землеустроительным учреждениям и земствам.

Д. Привлечение особых категорий переселенцев: румынских старообрядцев (как наиболее подготовленных к условиям на Дальнем Востоке – авт.), Некрасовцев, рыболовов, прибалтийских латышей, поляков, австрийских подданных из Галиции.

2. Количественное и качественное улучшение предлагаемого к заселению земельного запаса, как необходимое условие возможности поощрения правительством дальневосточного переселения.

А. Образование переселенческих участков из излишков войскового запаса временного отвода Духовского в Амурской и Приморской областях (11,5 мил. дес.) (12563750 га – авт.), независимо от разрешения вопроса о преимуществах казачьей колонизации пред крестьянской.

Б. Землеустройство Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск и порядок использования под переселение земельных излишков в Забайкальской области.

В. Облегчение порядка причисления переселяющихся крестьян к станицам, получившим уже земельные наделы.

Г. Постановка осушительных работ в Приамурье.

3. Развитие местных сообщений.

А. Усиление дорожного строительства на Дальнем Востоке. Ассигнование на это дело в 1910 году особых средств сверх сметы Переселенческого управления, с привлечением к делу военных технических сил.

Б. Развитие пароходных береговых и речных сообщений как путем приобретения буксиров и барж, так и поощрения частной инициативы.

В. Оборудование почтовых и телеграфных сообщений, намеченных начальником края.

4. Борьба с наплывом желтых рабочих. (Напряженные дискуссии по "желтой проблеме" были довольно частым явлением в дореволюционной России начала XX в. [40, с. 208], Комитет по заселению Дальнего Востока также не обошел этот вопрос – авт.).

А. Исчисление потребной на месте рабочей силы. Образование рабочих партий в губерниях Европейской России, при участии местных учреждений и организация их перевозки в порядок передвижения воинских частей.

Б. Запрещение к сдаче казенных работ инородцам и участия в них желтых рабочих, кроме принявших русское подданство корейцев.

В. Организация на местах работ рабочих артелей, потребительных товариществ и товарных складов для продажи необходимых им продуктов.

5. Обеспечение развития частновладельческих хозяйств и промысловых предприятий.

А. Предоставление крестьянам и казакам отведенных им в дальневосточных областях земель в собственность, с правом распоряжения ими и отчуждения как общественных, так и выделенных из общественного владения участков, но с воспрещением покупки или аренды этих земель иностранцами или инородцами.

Б. Предоставление в собственность и аренду частных предпринимателей на особых льготных условиях участков казенных земель для устройства заводов, фаб-

рик и промышленных предприятий.

В. Пересмотр для дальневосточных областей правил образования и аренды оброчных статей и взимания промысловых сборов и акциза в целях особого покровительства развитию на местах сахароваренной промышленности и винокурения.

6. Выяснение возможности особыми тарифами охранить дальневосточные области от перевоза маньчжурских и японских хлебов, муки и леса, с целью обеспечить перевозку сюда хлеба и скота из Забайкалья, восточной Сибири и Алтая, и содействовать развитию в пределах края мукомольного производства и лесных разработок.

7. Меры к скорейшему обследованию дальневосточных областей путем изучения почв, климата и растительного покрова и широкой постановки топографических работ.

8. Образование при губернаторах дальневосточных областей постоянных совещаний местных людей, назначаемых или избираемых из числа русского населения для обсуждения вопросов скорейшей колонизации края.

9. Выяснение всех данных для разрешения коренного вопроса колонизации Дальнего Востока – о наилучшей военной его обороне.

А. Ускорение постройки Амурской железной дороги.

Б. Увеличение числа войск на местах.

В. Заготовка продовольственных запасов.

Г. Постройка казенных заводов для военных надобностей.

Д. Борьба военной силой против японского хищничества и шпионов" [34, л. 20–22].

Именно КЗДВ принял решение командировать для всестороннего исследования района Амурской железной дороги особую Экспедицию. Ей поручалось определение мест для "тех станций амурской железной дороги и тех пунктов вне оной, у которых в силу их естественного положения следует ожидать развития поселений городского типа, а равно разработку предшествующих в означенной местности путей сообщения" [34, л. 27]. Впрочем, результаты лишь в небольшой, хотя и весьма содержательной части [11], были связаны с изучением существовавших станций и поселков вдоль линии новой дороги. Отправка Экспедиции перекликалась с инициативой МВД, но устраняла ведомство от прямого кредитования переселенцев, как предлагалось ранее. Амурская экспедиция 1909–1912 гг., под руководством выдающегося администратора Н.Л. Гондатти, была последним крупным научным мероприятием по изучению региона в Российской империи. Более 28 томов "Трудов Амурской экспедиции" представляли собой полевые отчеты и монографии по естественнонаучному, историческому, административному и экономическому описаниям Дальнего Востока и Амурской области. Они издавались в ходе проводимых исследований, различными типографиями Санкт-Петербурга и Сибири в 1910–1913 гг. и были снабжены допол-

нительными материалами: картами, схемами, графиками, таблицами. В 1910 году был подготовлен "Общий отчет Амурской экспедиции" [6]. В 1911 г. шталмейстер Н.Л. Гондатти стал первым Приамурским генерал-губернатором из гражданских чиновников. Подробно ход работы над материалами был охарактеризован в недавней работе Н.А. Демьяненко и Л.А. Дятловой [10]. Вопрос о том, была ли Экспедиция инициирована Н.Л. Гондатти через МВД, оставим открытым.

Итоговой целью всех мероприятий являлось закрепление русского населения на Дальнем Востоке, обеспечение военной безопасности окраины. Правительство всерьез рассматривало внешнюю угрозу. Заместитель председателя КЗДВ А.В. Кривошеин писал министру иностранных дел А.П. Извольскому: "В видах наилучшей постановки деятельности Канцелярии Комитета по заселению Дальнего Востока представлялось бы весьма желательным, чтобы в состав ее входил бы в числе других чинов представитель ведомства Министерства иностранных дел, всесторонне осведомленного о положении на нашей Дальневосточной окраине" [34, л. 109]. По предложению П.А. Столыпина, был поднят вопрос об информировании русского правительства о значимых событиях экономического и политического характера в соседних с Приамурьем странах: Японии, Китае, Корее, Северо-Американских Соединенных Штатах (САСШ). Важным также являлось отражение в общественном мнении и печати этих стран всех дел, которые касались правительственной политики по заселению дальневосточных областей России. Комитет хотел поручить российским дипломатическим чиновникам и консульским служащим представлять отзывы и сообщения иностранной печати по соответствующим целям программы освоения Дальнего Востока. Со своей стороны Главное управление по делам печати МВД по указанию Столыпина проводило поиск интересующих КЗДВ сведений в русских и иностранных публикациях. Комитет настоятельно просил министров иностранных дел и финансов предоставить все материалы по вопросам, касающимся положения на имперской окраине [34, л. 86]. А.П. Извольский, формально не подчинявшийся П.А. Столыпину, возражал против прямой передачи дипломатических сведений в КЗДВ. Важность такой меры, он, разумеется, признавал, но решение о том, что именно присылать оставлял за собой. Напротив, В.Н. Коковцов заявил, что в Управлении Заамурского округа пограничной стражи организована специальная разведка для сбора сведений о наиболее важных политических и экономических событиях в пределах Манчжурии. "В виду особой ценности этих данных для предстоящих работ Комитета, Статс-секретарь В.Н. Коковцов выразил готовность сделать распоряжение о сообщении таковых Комитету по заселению Дальнего Востока" [34, л. 86].

Как же складывалась ситуация на местах? Интересное мнение об уровне подготовленности и настроениях

среди переселенцев мы находим в сохранившейся в материалах РГИА записке С.Е. Бельского о заселении Сибири и Дальнего Востока, отправленной на имя П.А. Столыпина 7 октября 1910 г. Настроения среди приезжих крестьян, характеризуются автором как упаднические. "Крайне неблагоприятным для русского дела на Дальнем Востоке является то обстоятельство, что на этой отдаленной окраине ... много малодушных людей, которые не верят в прочность нашего положения; в то, что России долго еще удастся удержать за собой Амурскую и Приморскую области. Ирония слабых, маловольных людей по отношению к собственному делу составляет основной психический тон работы... Строят Амурскую дорогу и говорят: Мы строим, а ездить будут японцы и китайцы... Заселяют побережье и уверены, что на участках окажутся желтолицые земледельцы. Чувствуют себя словно в гостях. Россия начинается за Байкалом от Иркутска. Впрочем, один генерал-губернатор рассказывал переселенческим чиновникам, что, пожалуй, нас и из Енисейской губернии погонят. Чиновники, переселенцы, инженеры, промышленники, купцы, охвачены этим гибельным недугом недоверия к силе устойчивости России на ее далекой окраине. Это недоверие находится, конечно, в тесной связи с результатами войны, но поддерживается также множеством современных явлений, обыденной жизнью русского Востока" [35, л. 360-361]. Следует отметить, что в исследованиях постсоветского периода уделено значительное внимание истории резидентов-иностранцев на российском Дальнем Востоке. Выходили отдельные работы о японском (Б.С. Белоус [4]), китайском (Е.И. Нестерова [26], [27]) и корейском (А.И. Петров [29], [30], А.А. Торопов [44]) населении. Иностранцы составляли значительное количество жителей региона и принимали активное участие в его экономической жизни. Проблема "желтой угрозы" прослеживается во многих правительственных документах эпохи, тем более что корейцы и китайцы были приспособлены к ведению сельского хозяйства с учетом местных природных и климатических условий.

Губернатор Камчатской области В.В. Перфильев, занимавший должность с 1909 по 1912 гг. писал П.А. Столыпину: "Вопрос о земледелии на Камчатке – это еще вопрос будущего. Полагаю, что и теперь с уверенностью можно сказать, что в ближайшем будущем земледелие на Камчатке, ни в каком случае, не будет играть значительной роли и в лучшем случае явится лишь некоторым подспорьем для остальных отраслей хозяйства и притом далеко не во всех ее районах". Губернатор считал преждевременным принимать специальные меры для привлечения на Камчатку переселенцев. "Элемент положительный, трудоспособный найдет много лучшего для себя и вне Камчатки и сюда не пойдет. Разные же неудачники, лентяи, невзрастники и вообще люди, выбитые из колеи, которые нигде не могут пристроиться, идут сюда теперь в большом количестве, и, пока что, на первых порах прихо-

дится принимать меры, чтобы оградить Камчатку от наплыва подобного элемента, который делу колонизации ее принесет только вред, а не пользу" [34, л. 200]. Местным высокопоставленным чиновником поднимается вопрос о превалировании качественного состава переселенцев над количественным. Вопрос этот и раньше волновал Переселенческое управление, однако конкретных действий по нему не предпринималось.

На одном из докладов по внесенному МВД законопроекту об административном переустройстве Приморской области и острова Сахалин отмечалось, что "полевая культура никогда не получит на Камчатке первенствующего значения и не может служить исключительным источником существования населения" [35, л. 101]. На Камчатке предлагалось создать скотоводческую базу, которая бы позволила снабжать необходимыми продуктами весь регион: "развитие скотоводства на Камчатке дало бы возможность Южно-Уссурийскому и Амурскому краю получать мясо и прочие продукты животноводства не из Австралии, как теперь, а из Камчатки" [35, л. 101]. В.В. Перфильев, Комиссия по направлению законодательных предположений Третьей Государственной думы настаивали "на энергичных мерах привлечения сильных элементов переселенцев, как на Камчатке и Удском крае, так и на Сахалине, и в насаждении сельского хозяйства в тех его формах, которые будут соответствовать местным условиям" [35, л. 101]. Так складывалась ситуация не только на Камчатке. "Следует заметить, что все крестьянские селения, расположенные по реке Амуру вниз от г. Хабаровска на тысячу верст, совершенно не сеют хлеба; г. Николаевск тоже", – писал член совета ГУЗиЗ В.П. Михайлов [35, л. 4]. Материалы РГИА не сохранили примеров, в которых мнение камчатского губернатора (напомним, что Камчатка один из самых больших по площади регионов империи с 1856 по 1909 гг. не являлась самостоятельной административной единицей – авт.) сталкивалось с мнением начальника Амурской экспедиции Н.Л. Гондатти. Однако, развитие животноводства на южной части дальневосточной окраины [18] было более вероятно с точки зрения практической целесообразности, в силу развитой инфраструктуры, и заселенности этих территорий, а также в силу большей проработанности вопроса по итогам Амурской экспедиции.

Камчатская область, по сведениям ГУЗиЗ, имела 100–120 млн. десятин (от 109 млн. 250 тыс. до 131 млн. 100 тыс. га – авт.) земли и 7 тыс. жителей, преимущественно из числа коренных народностей. Добывающей промышленности область не имела. Из записки В.П. Михайлова: "Относительно Камчатки есть кое-какие отрывочные сведения, но в общем эта область совершенно еще не исследована и не известна... Камчатская область нуждается в систематическом исследовании... Говорить о колонизации этого края – еще рано... Заселение Камчатки возможно лишь при развитии там крупной добываю-

щей промышленности такой, которая могла бы иметь значение для мирового рынка, но такого развития не предвидится" [35, л. 25].

Несмотря на то, что "старожилое" население и переселенцы особо не занимались сельским хозяйством, они активно вели рыбный промысел, который к тому времени приобрел существенное значение на Дальнем Востоке. Предполагалось, что со временем "продукты лова пойдут по воде и железной дороге в Европейскую Россию". Часть продукции нашла бы покупателей в регионе, поскольку, "золотые прииски, привлекая массу рабочих, требуют большое количество хлебных и других грузов" [35, л. 5]. Следует отметить, что постоянного сообщения с приисками на тот момент установлено не было, отсутствовали телеграф, телефон, регулярная почта. В Приморской области на западе от Амура дела обстояли схожим образом, рыбный промысел стал вытеснять сельское хозяйство. "Крестьяне по Амуру занимались хлебопашеством еще не так давно и ловили рыбу кету в пределах своих потребностей. Но как только кета стала проникать на рынок и явилась предметом торговли – все Амурское население совершенно забросило сельское хозяйство и занялось исключительно ловлей и торговлей рыбой" [35, л. 11]. В низовьях Амура, по западному берегу Сахалина, с начала XX века было образовано до десяти переселенческих поселков. Жили здесь исключительно ловлей рыбы в целях её перепродажи, главным образом, японцам. Попыток наладить сельскохозяйственную деятельность не предпринималось. "Город Николаевск – центр Амурской рыбопромышленности, своих злаков не производит, хлебом питается из Благовещенска, а овощами – благодаря корейцам, великолепно возделывающим земли, признаваемые русским населением якобы непригодными для обработки" [35, л. 12]. В ведомстве понимали, что для колонизации свободных пространств, помимо пригодности земель для сельского хозяйства, необходима прочная экономическая база. Где-то нужно было размещать лишнюю рабочую силу, сбывать и приобретать продукты: "без такой базы наше крестьянство, вышедшее из условий чисто натурального хозяйства, существовать не может, а, следовательно, где ее нет – там и не может быть речи о колонизации. Поскольку эта экономическая база близка к населению и доступна, постольку свободнее совершается товарообмен и обращается личный труд, постольку успешнее идет дело колонизации" [35, л. 1].

Изучение правительственных мероприятий, направленных на развитие городов, не является задачей данной статьи. Сибирскими и дальневосточными учеными с начала 1990-х гг. этому направлению исторических исследований уделялось достаточное внимание, в XXI в. защищались кандидатские диссертации [15, 50, 17]. Города юга Дальнего Востока, с высоким для региона уровнем урбанизации, в рассматриваемый период развивались быстро, а КЗДВ и ГУЗиЗ уделяли внимание пустующим

территориям края, неосвоенным русскими переселенцами. Амурская область в отношении колонизации была малопривлекательна. Все ее сельское крестьянское население составляло 87 тыс. человек, с 1901 по 1909 гг. здесь было размещено всего 4 тыс. семей. Заселение шло вблизи Благовещенска, в низменности между реками Буреи и Зеей. Количество населения значительно уступало Приморской области. "Что такое из себя представляла Амурская область – никто в то время решительно не знал: мари, тундры, заболоченные лесные пространства, а местами непроходимые горы – вот общий абрис, приводивший всегда к выводу полной ее непригодности к колонизации" [35, л. 2]. Однако, по исследованиям, проведенным Переселенческим управлением, свободных земель, пригодных для русского переселенческого дела было много. Итоги этих изысканий, проведенных в 1909–1910 гг., стали достоянием гласности уже к 1913 г. и коснулись, прежде всего, флоры края [14], почвоведения [43], т.е. всего, что могло способствовать хозяйственной деятельности русских крестьян. В.П. Михайлов писал: "по своим личным впечатлениям... должен заключить, что колонизационная емкость Амурской области велика" [35, л. 2]. В Переселенческом управлении полагали, что колонизация края требует иного подхода, чем освоение и экономическое развитие других окраин. "Нельзя забывать, что Амурская область – страна совершенно почти не заселенная, жизненного опыта имеет очень мало и по своим естественноисторическим условиям резко отличается не только от условий Европейской России, но и того материала, с которым оперировало до сих пор Переселенческое управление в Сибири" [35, л. 3].

Советский исследователь Л.Ф. Складов писал: "История переселенческого движения в годы столыпинской аграрной реформы подводит итоги правительственных мероприятий по заселению окраин в предыдущие десятилетия" [41, с. 4]. Колонизации должен был предшествовать ряд серьезных подготовительных мер. Для заселения территорий нужно было их исследовать, выделить земли неудобные или ранее уже предоставленные в пользование местного инородческого и русского старожильческого населения, "нарезать" свободные участки. Производство межевых работ, перевозка и устройство переселенцев мероприятия дорогостоящие. Одной из самых сложных задач была подготовка участков: "Местному управлению надлежит предоставить особый технический состав (производителей работ и землемеров) для обследования и отграничения продаваемых участков; планы работ и сметы подлежат составлению и направлению в порядке, установленном в отношении переселенческого дела, и, наконец, руководство и заведывание продажей земель в центральном управлении должно быть объединено с переселенческим делом" [36, л. 8]. Вместе с подготовкой участков, планировалась постоянная организация топографической съемки, как писали чиновники "хотя бы в грубом масштабе" и изучение обла-

сти "во всех отношениях и, главным образом, агрономическом" [35, л. 3]. В ходе работы Амурской экспедиции (фактически по заказу правительства) это направление будет основательно исследовано, включая возможности мелиорации [42], правила ведения семенного хозяйства и перспективы выращивания злаковых культур [47]. "Не может возникнуть сомнений, что на какие бы прочные начала не было поставлено дело переселения на Дальний Восток сельских обывателей–землепашцев, вне широкого отвода казенных земель под культурные сельские хозяйства и различные промышленные предприятия, надлежащее экономическое развитие этой окраины, а следовательно, и прочное заселение ее, немислимо", – писал А.В. Кривошеин приамурскому генерал–губернатору П.Ф. Унтербергеру 17 февраля 1909 г. [36, л. 2].

В остальной части Приморской области, в междуречье Амура и Сунгари, отвод переселенческих участков проходил по долинам рек. По сведениям ГУЗиЗ земельный фонд здесь был почти исчерпан и колонизация этого края, с точки зрения сельскохозяйственной, становилась практически невозможной. КЗДВ рассматривал возможности предоставления земель в аренду и собственность. Это содействовало бы мобилизации земель, росту их ценности, изменению рынка труда. "Уплотнение населения весьма важно и в том отношении, что оно выделит из себя рабочую массу, необходимую для разного рода промышленных предприятий, развивающихся в крае" [35, л. 16]. Подробный анализ ситуации с частновладельческими землями был завершен к 1913 г. на основании материалов, собранных статистиком Амурской экспедиции А.А. Макаренко и ученым агрономом В.М. Василевским, а также сведений о частной земельной собственности в Амурской области, полученных их архива местного нотариата [49]. "Из мер содействия промышленному развитию Приамурья, особого внимания заслуживают предположения об облегчении условий долгосрочной аренды и продажи казенных земель" [36, л. 2]. В контексте мобилизации земельных ресурсов в отчете ГУЗиЗ отмечалось, что "все лучшие удобные земли занято с одной стороны казачье ведомство, а с другой – крестьяне в порядке прежних стадеятинных отводов" [35, л. 16–17]. При этом использование земель ведомство считало неэффективным: "В распоряжении Уссурийского казачьего войска находится сейчас обширная территория до 10 миллионов десятин (10 млн. 925 тыс. га – авт.), а увеличение казачьего населения идет очень медленно. Земля эксплуатируется личным трудом казаков слабо и сдается китайцам и корейцам в то время, когда предоставление казенных земель в аренду желтолицым воспрещено властью генерал–губернатора" [35, л. 17 об]. Отмечалось, что казачество при современном положении военного дела является анахронизм, а привилегии, которыми они пользуются, препятствуют заселению дальневосточной окраины. И все же упрекнуть правительство в волюнтаристском подходе к распределению земельного фонда

нельзя. В "Трудах Амурской экспедиции" ситуация с казачьими и крестьянскими землями региона рассматривалась на основании статистических материалов, собранных при проведении подворной переписи и составлении бюджетов казачьих и крестьянских хозяйств. Данные сводились в табличную форму [19], проводился комбинационный групповой и бюджетный подсчет результатов [20], полученные сведения анализировались и публиковались [21].

Наказной атаман Уссурийского казачьего войска Н.М. Чичагов в пику Переселенческому управлению, изымавшему казачьи земли, указывал на неудовлетворительный по своим качествам состав переселенцев. Для колонизации края "широкий наплыв в область малороссов менее желателен, а необходим прилив переселенцев великороссов из средних промышленных губерний Европейской России, как людей менее избалованных почвенными и климатическими условиями, чем малороссы, более энергичных и предприимчивых, поэтому имеющих возможность гораздо скорее, лучше и прочнее обосноваться в области, чем приходящие в край жители малороссийских губерний Европейской России" [37, л. 16].

Заселение побережья, по заключению ГУЗиЗ, являлось нежелательным, так как оно производило крайне невыгодное впечатление: бесплодные каменистые горы, покрытые слабой и мелкой лесной растительностью. Единственными удобными местами для поселений считались узкие речные долины, хотя отмечалось, что на многих прибрежных горах, расположенных ближе к Владивостоку, корейцы прекрасно выращивают огородные овощи и некоторые злаки. На этой территории колонизации мешала отчужденность населения от соседей и экономических центров: "отсутствие грунтовых дорог и слабое морское и речное сообщение препятствует водворению здесь русских крестьян" [35, л. 17–18]. В Объяснительной записке к проектам "Учреждения Министерства земледелия" и "Положения о местных его установлениях", представленным в Государственную думу в 1910 г. констатировалось: "одно лишь увеличение площади возделываемых земель не может само по себе привлечь к производительному труду не только излишка рабочих сил, но даже значительной части его. Как бы ни были расширены мелиоративные работы, до каких бы размеров ни возросло число устраиваемых на новых землях переселенцев, все же это принесло бы лишь временное улучшение" [22, с. 587]. ГУЗиЗ предлагало сосредоточиться на открытии показательных сельскохозяйственных станций и ферм: "в настоящее время имеется только одно опытное поле в Никольск-Уссурийске". Действительно впоследствии подобные станции будут открыты, однако существенной роли не сыграют. В документах КЗДВ подчеркивалось, что следует "обратить внимание на скотоводство" [35, л. 21].

Важной, но не первоочередной задачей являлась колонизация северной (русской) части Сахалина. В 1908 г. туда командировали исследовательскую экспедицию, а в 1909 г. партия топографов нарезала переселенческие участки. Все русское население было сосредоточено в 27 пунктах, из них только 13 имели вид крупных селений. На все 27 пунктов приходилось 710 домохозяев, а на 13 из них – 579. Численность населения русского Сахалина составляла 6 тыс. человек, из которых 2 тыс. – "инородцы" [35, л. 21 об]. "Все селения дают вид запустения, масса домов, заколоченных или брошенных на произвол судьбы; нигде не видно созидательной работы. По общему заявлению число старожилов уменьшается, а не увеличивается" [35, л. 22–23]. Несмотря на то, что переселенческую политику этого периода принято рассматривать в контексте аграрных преобразований в России, с точки зрения сельскохозяйственной колонизации Сахалин не рассматривался.

Из записки В.П. Михайлова: "Я совершенно уверенно могу сказать, что колонизация Сахалина хлеборобом при настоящих условиях – есть праздное дело. Совершенно иначе вопрос станет, если взглянуть на Сахалин с точки зрения разработки недр. Сахалин богат прекрасным каменным углем, присутствие нефти также не подлежит сомнению. Если горное дело пойдет, то колонизация будет обеспечена сама собою. Следовательно, все внимание правительства должно быть обращено на горное дело. Рыбное и лесное дело, по моему мнению, серьезного значения для Сахалина иметь не могут" [35, л. 24].

В.П. Михайлов подводил руководство Комитета (П.А. Столыпина) к мысли о том, что именно ГУЗиЗ должно возглавить колонизацию на Дальнем Востоке. Начать следовало с южной части окраины. "Так как на Главное управление землеустройства и земледелия возложена колонизация таких пространств, то вполне естественно, что это ведомство должно держать все нити управления и развития страны в своих руках, оно должно иметь авторитетный голос в разрешении всех вопросов, касающихся Приамурского края" [35, л. 59]. С изданием Основных законов 23 апреля 1906 г. взаимоотношения центральной власти и генерал-губернаторов, некогда полномочных решателей судеб вверенного им края, изменился. "Соответствующие решения царской администрации, даже в случае проведения их в чрезвычайно-указном порядке (ст. 87 Основных законов в редакции Свода законов), неизбежно подлежали утверждению законодательных палат" [12, с. 248]. Иными словами претворение в жизнь административных решений на окраинах требовало усиления правительственного влияния на местную власть. После 1906 г. по мнению авторитетного русского юриста Н.И. Лазаревского "непосредственное получение генерал-губернатором высочайших повелений от Государя, помимо министров, представляется юридически невозможным" [16, с. 208].

В.П. Михайлов доказывал П.А. Столыпину пагубность ситуации, когда управление в регионе подчинено генерал-губернаторам: "вся колонизационная политика Восточной окраины, крайне неопределенная и неустойчивая, постоянно колеблется и очень часто зависит от личного усмотрения того или другого лица, поставленного во главе управления краем". Центральное ведомство землеустройства и земледелия также стремилось "освободиться от управления окраиной и выполнения в ней серьезных задач государства" [35, л. 59 об.]. В итоге, вопросами колонизации ведал генерал-губернатор. От его решений зависело утверждение плана работ, изменение плана в течение года, надзор и общее руководство переселением. Осуществление этого надзора и распоряжения по колонизационным делам производились через Канцелярию генерал-губернатора. Несмотря на то, что в распоряжение "хозяина" края был откомандирован особый чиновник 5 класса при главноуправляющем землеустройством и земледелием – "колонизационным делом заведовал все-таки чиновник особых поручений генерал-губернатора, причем все доклады первого переделывались вторым" [35, л. 60].

Из представленных в КЗДВ материалов можно сделать вывод, что центральное управление, не отказываясь от руководящей роли, заведывание колонизацией и государственными имуществами было вынуждено передать высшей власти края. При П.А. Столыпине генерал-губернаторы потеряли "значительную долю своего статуса должностных лиц, непосредственно сносящихся с монархом, а в отношениях с министром внутренних дел приблизились к "простым" губернаторам" [12, с. 248]. Однако местные учреждения ГУЗиЗ не пользовались должным влиянием. Крестьянский поземельный банк, Главное управление по делам местного хозяйства, Межевое управление находились в подчинении других ведомств. В Объяснительной записке к проектам "Учреждения Министерства земледелия" и "Положения о местных его установлениях" 1910 г. отмечалось: "В исключительно неблагоприятные условия поставлены местные учреждения главного управления. В них замечается не только крайняя ограниченность по числу личного состава и недостаток специалистов и техников, но, в противоположность другим ведомствам, также отсутствие сколько-нибудьстройной и связанной организации на местах для осуществления лежащих на них обширных и крайне разнообразных задач" [22, с. 596]. Решения Комитета по заселению Дальнего Востока значили, конечно, больше, чем указания генерал-губернаторов, но фактически распорядительная власть осталась у опытных местных чиновников. С явным неудовольствием в отчете ГУЗиЗ делался вывод, что в связи с частой сменой генерал-губернаторов "политика, основанная на их личном усмотрении, подвергается резким колебаниям и не дает никакой прочности и устойчивости развитию промышленности в крае" [35, л. 60].

Ряд планируемых экономических мер, подразумевал введение особых протекционистских тарифов. Они должны были охранять дальневосточных области от поставок хлеба, муки и леса из Маньчжурии, с целью обеспечить перевозку продукции из Забайкалья, восточной Сибири и Алтая, содействовать развитию в пределах края мукомольного производства и лесных разработок. Рассматривалась возможность изменения для дальневосточных областей правил образования и аренды оброчных статей, взимания промысловых сборов и акциза. Третья Государственная дума по инициативе правительства фактически шла по пути усиления русского начала в дальневосточной торговле, отменялось порто-франко, но тарифы на ввоз техники и комплектующих сохранялись на низком уровне. Для решения вопросов и координации действий по скорейшей колонизации края на местах планировалось создание при губернаторах дальневосточных областей постоянных совещаний, назначаемых или избираемых из числа местного русского населения. Между тем в Третьей Думе отношение к перспективам введения органов самоуправления (как, например, земств в Сибири) на окраинах было отрицательным. Даже правительственные проекты, подробно обоснованные, в угоду националистам и прайвом, отправлялись на доработку, или оставались без движения [51, с. 201]. Реализация подобных начинаний становилась сферой ответственности властей на местах.

В условиях колонизации значение имеют не только экономическая поддержка или обеспечение новой техникой, но и культурно-просветительское развитие региона. В начале XX в., оно, впрочем, не вышло дальше предложений, которые вполне укладывались в русло государственной политики. Обер-прокурор Святейшего Синода С.М. Лукьянов представил проект возможной деятельности своего ведомства на колонизируемых территориях, особо отметил важность создания "на Дальнем Востоке того внутреннего уклада жизни, который действительно придает переселенцу облик русского человека" [34, л. 55]. С.М. Лукьянов ратовал за открытие церковно-приходских школ, увеличение окладов для привлечения "правоспособных" учителей. КЗДВ, вероятно, по инициативе министра народного просвещения признавал необходимым и открытие общеобразовательных учебных заведений, подготовку специалистов для школы. Статус окраины уравнивал Сибирь и Дальний Восток с национальными регионами империи. Так, обер-прокурор Синода запросил об отпуске из казны дополнительных 250 тыс. руб. на увеличение содержания учащимся и законоучителям церковно-приходских школ губерний и областей Сибири (вместе с Дальним Востоком), Средней Азии и Кавказа. Общая потребность по империи составляла, по мнению С.М. Лукьянова 774927 рублей [34, л. 61]. Расширялось влияние церкви, обер-прокурор предполагал открытие на Камчатке епархии [34, л. 64]. Необходимо пояснить, что формально Камчатская епархия существовала с 1840 г., однако в Петропавловске не было отдельной кафедры.

Самостоятельной епархия будет провозглашена 11 сентября 1922 г. Временным архиерейским Синодом Русской Православной Церкви за границей (РПЦЗ). Развитие православных приходов, по мнению С.М. Лукьянова, являлось неотложной задачей в колонизации дальневосточной окраины. Вместе со строительством храмов возникал вопрос о благоустройстве, хорошем богословском образовании и материальном обеспечении православного духовенства.

Правящие круги считали, что колонизация на востоке страны отличается от развития остальных областей России. Создание межведомственного Комитета по заселению Дальнего Востока служит примером особого подхода к делу развития региона. Вместе с тем, многие начинания 1909–1911 гг. можно характеризовать как следование сложившимся ещё в XIX в. традициям российской имперской политики. Схожие процессы наблюдались и в отношении других окраин страны, в частности, Кавказа [53]. Всеми ведомствами проводились активные действия к реализации намеченной КЗДВ программы. К сожалению, Комитет не успел просуществовать достаточное время. После смерти П.А. Столыпина, административные преобразования на Дальнем Востоке застопорились. Деятельность КЗДВ после 1911 г. была акцентирована на решения "желтого вопроса", важного, но не основного в развитии края. Это отчасти подтверждалось материалами, собранными по результатам работ Амурской экспедиции о местном японском, китайском [7] и корейском населении [28]. И все же, пока был жив Столыпин, а переселенческим вопросом занимался А.В. Кривошеин, КЗДВ вполне успешно вписывался в контекст реформ "сверху" в России начала XX в.

Особенностью русской колонизации на Дальнем Востоке была ставка на подготовленных, материально обеспеченных переселенцев. В правительственном проекте Правил "О переселении и землепользовании в Приморской области" отмечалось, что семьи переселенцев должны иметь "собственные средства на проезд и на домообзаводство (450 рублей на семью – авт.) при водворении в области" [37, л. 3]. При этом местные чиновники, и бюрократы ГУЗиЗ были единодушны во мнении, что качественный состав должен превалировать над количественным. Отсутствие конкуренции за землю со стороны коренного населения, масштабность переселения, способы организации, ранее не используемые в имперской практике, облегчали процесс русской колонизации. С разрешения МВД допускались к переселению семьи, не вполне отвечавшие условиям, с выдачей им денежных пособий. Хозяйство должно было вестись вне общины. Признавалось преимущество крестьянской, а не казачьей колонизации. Несмотря на то, что переселение осуществлялось в контексте аграрной реформы, Дальний Восток в перспективе рассматривался как ресурсная база страны. История русской колонизации Дальнего Востока на наш взгляд сегодня востребована государством и обществом. Завершить статью хотелось бы словами Президента России В.В. Путина: "Для России развитие Дальнего Востока является национальным приоритетом XXI века. Речь идёт о создании в регионе "территорий роста", масштабном освоении природных богатств и поддержке передовых высокотехнологических отраслей, об инвестициях в человеческий капитал, в образование и здравоохранение, в формирование конкурентных научно-исследовательских центров" [32].

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев А.И., Морозов Б.Н. Освоение русского Дальнего Востока (конец XIX в. – 1917 г.). М.: АН СССР, Институт истории СССР. 1989, 221, [3] с., [1] л. ил.
2. Арсеньев В.К. Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края 1901–1911 гг. Хабаровск: Типография штаба Приамурского военного округа, 1912. 324 с.
3. Базилевич М.Е. Строительное отделение и областная чертежная при Приморском генерал-губернаторстве (1884–1917 гг.) // Баландинские чтения. Новосибирск, 2014. С. 86–89.
4. Белоус Б.С. Хозяйственная деятельность японских иммигрантов на юге Дальнего Востока России и политика администрации Приамурского края: вторая половина XIX – начало XX вв.: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Специальность 07.00.02 – Отечественная история. Иркутск, 2007. 247 с.
5. Высшие и центральные государственные учреждения России 1801–1917 гг. / Отв. сост. Д.И. Раскин. Т. 1: Высшие государственные учреждения. СПб.: Наука, 1998. 302 с.
6. Гондатти Н.Л., Романов В.Ф. Общий отчет Амурской экспедиции за 1910 год / Труды Командированной по Высочайшему повелению Амурской Экспедиции. Вып. 1. СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1911. 288 с.: табл.
7. Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье: отчет В.В. Граве (Уполномоченный Министерства иностранных дел) / Труды Командированной по Высочайшему повелению Амурской Экспедиции. Вып. 2. СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1912. 489 с. [3] л.: табл., карт. Прил.: 1 л. карт. (сложенные в 9 л.).
8. Грум-Гржимайло Г.Е. Описание Амурской области / Под ред. П.П. Семенова. СПб.: Типолиитография С.Н. Николаева, 1894. 654 с.
9. Даттан А.В. Исторический очерк развития Приморской торговли. М.: Типография Т.И. Гаген, 1897. 192 с.
10. Демьяненко Н.А., Дятлова Л.А. Общий замысел Амурской экспедиции 1910 г. и краткий обзор её Трудов // Ойкумена. 2010. № 3. С. 7–28.

11. Железнодорожные посёлки Амурской области (от р. Зеи до Забайкалья) / Труды Командированной по Высочайшему повелению Амурской Экспедиции. Вып. 2. Т. VI. Хабаровск: Типография Канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 1912. 169 с.: табл.
12. Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. В 2 т. Т. 1 / Под общей ред. В.В. Черкесова, науч. ред. тома Д.И. Луковская, Д.И. Раскин. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2001. 456 с.
13. Кауфман А.А. По новым местам (очерки и путевые заметки): 1901–1903. СПб.: Изд-во товарищества "Общественная польза", 1905. 353 с.
14. Короткий М.Ф. Очерк растительности Зейско-Бурейского района Амурской области: ботанические исследования 1910 года / Труды Командированной по Высочайшему повелению Амурской Экспедиции. Выпуск 16. Т. III. СПб.: Типография "Печатный Труд", 1912. 149 с.
15. Котляр Н.В. Российские общественные организации Дальнего Востока в конце XIX – начале XX вв.: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Специальность 07.00.02 – Отечественная история. Владивосток, 2004. 283 с.
16. Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. Т. II: Административное право. Ч. 1: Органы управления. СПб.: Тип. АО "Слово", 1910. 276 с.
17. Ланкина Ю.С. Социокультурное развитие городов юга Приамурского генерал-губернаторства в 1884–1913 гг.: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Специальность 07.00.02 – Отечественная история. Иркутск, 2016. 34 с.
18. Лемперт А.Я. Материалы по животноводству в Амурской области: отчёт зоотехнической партии экспедиции / Труды Командированной по Высочайшему повелению Амурской Экспедиции. Выпуск 7. Ч. 1. Тобольск: Типография Епархиального Братства, 1913. 155 с. [20] л. фотографии; таблицы.
19. Материалы статистико-экономического обследования казачьего и крестьянского хозяйства Амурской области / Труды командированной по Высочайшему повелению Амурской Экспедиции. Вып. 2. Т. I. Ч. 1. Поселенные таблицы. СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1912–1913. 1091 с.
20. Материалы статистико-экономического обследования казачьего и крестьянского хозяйства Амурской области / Труды командированной по Высочайшему повелению Амурской Экспедиции. Вып. 2. Т. I. Ч. 2. Комбинационные и групповые таблицы. Бюджеты. СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1912. 573 с. Приложения.
21. Материалы статистико-экономического обследования казачьего и крестьянского хозяйства Амурской области / Труды командированной по Высочайшему повелению Амурской Экспедиции. Вып. 2. Т. II. Ч. 2. Текстовая разработка. СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1913. 616 с.
22. Министерская система в Российской империи: К 200-летию министерств в России / Отв. сост. Д.И. Раскин. М.: РОССПЭН, 2007. 920 с.
23. Митинский А.Н. Материалы по вопросу о снабжении Дальнего Востока сибирским хлебом и мясом: по данным обследования 1911 года / Труды Командированной по Высочайшему повелению Амурской Экспедиции. Приложение 1 к вып. 8. СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1912. 180 с.
24. Митинский А.Н. Материалы о положении и нуждах торговли и промышленности на Дальнем Востоке / Труды Командированной по Высочайшему повелению Амурской Экспедиции. Вып. 8. СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1911. 284 с.
25. Муров Г.Т. (Гантимуров Г.С.) По русскому Дальнему Востоку. Люди, их жизнь и нравы: [Дневник странника]. В 2-х томах. М.: Товарищество типографии А.Н. Мамонтова, Т. I. 1910. 485 с.; Т. II. 1911. 479 с.
26. Нестерова Е.И. Русская администрация и китайские мигранты на Юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2004. 372 с.
27. Нестерова Е.И. Китайцы в Приморье: некоторые аспекты социальной адаптации (конец XIX – начало XX вв.) // Адаптация этнических мигрантов в Приморье в XX в. Владивосток, 2000. С. 69–82.
28. Песоцкий В.Д. Корейский вопрос в Приамурье: отчёт поручика 1-го Сибирского стрелкового Его Величества полка В.Д. Песоцкого / Труды Командированной по Высочайшему повелению Амурской Экспедиции. Приложение к вып. 2. Хабаровск: Типография Канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 1913. 180 с.
29. Петров А.И. Корейская диаспора на Дальнем Востоке России. 60–90-е годы XIX века. Владивосток: ДВО РАН, 2000. 304 с.
30. Петров А.И. Корейская диаспора в России. 1897–1917 гг. Владивосток: ДВО РАН, 2001. 399 с.
31. Полное собрание законов Российской империи: Собрание III. Т. 26. Отд. I. С. 970–974.
URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (Дата обращения: 28.10.2017).
32. Путин В.В. XXV саммит АТЭС в Дананге: вместе к процветанию и гармоничному развитию // Официальный сайт Президента России, статья В.В. Путина от 08.11.2017.
URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56023> (Дата обращения 09.11.2017).
33. Пятков С.В. Место и значимость традиционного жилища переселенца в культурной среде крестьянской общины: (Приамурье, XIX – начала XX вв.) // Архитектура и градостроительство на Дальнем Востоке. Хабаровск, 1985. С. 12–20.
34. РГИА. Ф. 394. Комитет по заселению Дальнего Востока. Оп. 1. Д. 3. Об очередных задачах деятельности Комитета и о доставлении последнему ведомствами сведений по вопросам законодательным, административным сметным, относящимся до заселения Дальнего Востока. 1909–1910 гг. 234 л.
35. РГИА. Ф. 394. Комитет по заселению Дальнего Востока. Оп. 1. Д. 11. Материалы по вопросам переселения и землеустройства на Дальнем Востоке. 1909–1914 гг. 426 л.
36. РГИА. Ф. 394. Комитет по заселению Дальнего Востока. Оп. 1. Д. 26. Об аренде и продаже казенных земель в Приамурском генерал-губернаторстве. 1910 г. 40 л.
37. РГИА. Ф. 394. Комитет по заселению Дальнего Востока. Оп. 1. Д. 66. Проект правил, справки, записки по вопросу переселенческого дела на Дальнем Востоке. 1906–1910 гг. 231 л.
38. Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти 19 – начала 20 веков. Омск: Изд-во Омского государственного ун-та, 2004. 548 с.
39. Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. / Отв. ред. И.В. Бестужев-Лада. М.: АН СССР, Институт социологии, 1990. 167 с.

40. Самойлов Н.А. Старовойтова Е.О., Ходяков М.В., Янченко Д.Г. Китайско–Восточная железная дорога – историческое наследие двух народов: перспективы изучения // Новейшая история России / Modern history of Russia. 2016. № 3 (17). С. 205–210.
41. Скляр Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы Столыпинской аграрной реформы. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1962. 588 с.
42. Стакле П.П. Задачи сельскохозяйственной гидротехники в Амурской области: [отчёт] начальника гидротехнической Партии Амурской Экспедиции инженер П. Стакле / Труды Командированной по Высочайшему повелению Амурской Экспедиции. Вып. 6. СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1911. 48 с.
43. Томашевский И.И. Почвы юго–западной части Зейско–Буреинского Водораздела: отчёт И.И. Томашевского / Труды Командированной по Высочайшему повелению Амурской Экспедиции. Вып. 15. СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1912. 84 с.
44. Торопов А.А. К вопросу о миграции корейского населения на Дальнем Востоке России (1863–1916 гг.) // Известия Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИА ДВ). Т. 1. 1996. С. 101–110.
45. Унтербергер П.Ф. Приморская область. 1856–1898. СПб.: Всероссийское географическое общество, 1900. 324 с.
46. Унтербергер П.Ф. Приамурский край. 1906–1910. СПб.: Всероссийское географическое общество, 1912. 428 с.
47. Углов В.А. О зерне пшеницы и ржи Уссурийского края и Амурской области в связи с химическим составом и анализом зерна вообще: [отчёт] врача из лаборатории Военно–Санитарного Учёного Комитета / Труды Командированной по Высочайшему повелению Амурской Экспедиции. Приложение к вып. 8. СПб.: Типография Ю.Н. Эрлих, 1913. 200 с.
48. Федеральный закон от 1 мая 2016 г. N119–ФЗ "Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации".
49. Частновладельческое хозяйство в Амурской области / Труды Командированной по Высочайшему повелению Амурской Экспедиции. Вып. 2. Т. III. СПб.: Типография редакции периодических изданий Министерства финансов, 1913. 306 с.
50. Щербина П.А. Условия жизни населения в городах Дальнего Востока России в конце XIX – начале XX вв.: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Специальность 07.00.02 – Отечественная история. Владивосток, 2011. 173 с.
51. Янченко Д.Г. Бюджет и финансы в Государственной думе 1907–1912 гг.: от Балтики до Дальнего Востока. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. 272 с.
52. Bakhmeteff Archive (BAR). General Ms Coll Kriger. Krivoshein: Correspondence Photocopies; Manuscripts. No list numbers.
53. Yanchenko D.G., Shorohov V.A. Caucasian Policy of the Imperial Branches of Power during the First Russian Revolution // Vestnik of Saint Petersburg University. History. 2017. Vol. 62. No. 4. P. 675–687.

© Д.Г. Янченко, Г.М. Слободзян, (d.yanchenko@spbu.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Санкт-Петербургский государственный университет